

UNESCO Organisation. – Mode of access: <http://en.unesco.org/post2015/sites/post2015/files/UNESCO%20Position%20Paper%20ED%202015.pdf>

Terepishchy S. O., a candidate of philosophical sciences, associate professor, National pedagogical university, is the name of M. P. Drahomanov (Ukraine, Kyiv), som org@ukr.net

National state and educational reforms in the context of globalization challenges

The article is devoted to scientific analysis related national and state education in the globalization process.

Methodological basis of research is defined approach that is based on the principles of objectivity and integrity. In particular, the paper used, the method of historicism and hermeneutics; dialectical method; method of system analysis; comparative method.

Today, education is a priority not only as cultural but also as economic issue. The reason for this is the emergence of a "knowledge economy" as a resource base of modern capitalism. Based on the research of leading scientists in the field of education and globalization, the author identifies the key trends in the market of educational services. The course is drawing attention to dialectical relationship between "global and local" as the structure of education and in the social system of modernity in general.

Keywords: national state, globalization, unification, export of education services, education reform, educational policy.

Терепищій С. О., кандидат філософських наук, доцент, Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ), som org@ukr.net

Национальное государство и образовательные реформы в контексте глобализационных вызовов

Статья посвящена научному анализу отношений национального государства и образования в условиях процесса глобализации.

Методологическая база исследования определяется подходом, который опирается на принципы объективности и целостности. В частности, в работе применены: метод историзма и герменевтики; диалектический метод; метод системного анализа; сравнительный метод.

На сегодняшний день образование приобретает приоритетное значение не только в культурных, но и в экономических вопросах. Причиной этого является возникновение "экономики знаний" как ресурсной базы современного капитализма. Основываясь на исследованиях ведущих ученых в области образовательной глобалистики, автор статьи выделяет главные тенденции и новообразования на рынке педагогических услуг. В ходе работы обращается внимание на подобные диалектические отношения "глобального и локального" как структуре образования, так и в социальной системе современности в целом.

Ключевые слова: национальное государство, глобализация, унификация, экспорт образовательных услуг, образовательная реформа, образовательная политика.

* * *

УДК 159.99

Якимчук О.,
аспирант, Національний педагогічний
університет імені М. П. Драгоманова
(Україна, Київ), gileya.org.ua@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИИ "ПРОСТРАНСТВА ОБРАЗОВАНИЯ" ТОТАЛИТАРНОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются особенности становления и развития психологии пространства образования тоталитарного общества. Автор подробно анализирует процесс становления образования бывшего СССР, его перепад в украинском обществе, отмечает такие направления, как жесткая идеологизация и партизация, централизация образования, денационализация и подчиненность военно-промышленному комплексу, что привело к становлению таких психологических экзистенций, как приспособленчество, бегство от реальности, мимикрия и тому подобное. Подчеркивается, что творчество и активность в педагогической области разворачивались как оппозиция существующей идеологической системе; их проявления подавлялись, наказывались. Отмечается, что главными психологическими особенностями пространства образования тоталитарного общества были равнодушие и страх.

Ключевые слова: человек, образование, пространство образования, культура, психология, воспитание.

(статья друкється мовою оригіналу)

Сама стратегия развития национального пространства образования Украины должна

формироваться адекватно современным интеграционным и глобализационным процессам, требованиям перехода к постиндустриальной цивилизации, чем обеспечить устойчивое движение и развитие Украины в первой половине XXI века, интегрирование национальной системы образования в европейское и мировое образовательное пространство. Украинское национальное пространство образования уже объективная историческая реальность. Однако фрагменты психологии личности, сформированной в системе пространства образования бывшего СССР, остаются все еще заметными и влиятельными. Их окончательное искоренение требует дополнительного теоретического рассмотрения.

Несмотря на большое количество научных исследований, связанных с изучением проблем становления и развития образовательного пространства бывшего СССР, в отечественной педагогической науке пока еще нет достаточного количества специальных работ, которые системно исследуют психологию этого процесса. Анализ научных источников свидетельствует о внимании современных исследователей к различным аспектам изучаемого вопроса. В частности, поисками новой парадигмы образования в Украине в середине XX в. занимались Г. Ващенко, Г. Гринько, А. Дембо, Н. Крупская, А. Макаренко, С. Русова, Я. Ряппо, С. Сирополко, Н. Скрипник, Я. Чепига и другие. Становление и развитие новой образовательной системы в УРСР в 20-е годы XX в. раскрыли в своих трудах А. Горбань, В. Липинский, В. Шевчук, общеобразовательной школы в 1920-1933 гг. XX в. – ученые Е. Быкова, В. Борисов, В. Кузьменко, С. Равкин, системы дошкольного воспитания в УРСР – А. Бондарь, формирования советской системы высшей школы – М. Мирошниченко. Проблемы становления среднего звена образования в советской Украине осветили в своих трудах Е. Быкова, Г. Ефименко, М. Лысенко, В. Тартичка, И. Щупак и др. Профессионально-техническое образование СССР исследовали Н. Иванцова, А. Коханко, И. Ликарчук, А. Селюцкий и др. Заслуживает внимания монография В. Липинского "Становление и развитие новой системы образования в УССР в двадцатом году", который в своей работе исследовал историю советской системы образования в 1920-х гг. XX в. В частности ученый охарактеризовал сеть учебных заведений и их финансирование, материально-техническую базу образовательных учреждений, кадровый состав, учебно-методическую работу, ученические и студенческие объединения и др.

Для исследования психологии пространства образования в бывшем СССР необходимо использовать такие понятия, как "жесткое образовательное пространство" и "мягкое образовательное пространство". Обобщение различных по формулировке, но близких по своей сути моделей, имеющихся сегодня определяющими для теории и методологии образовательной деятельности, позволяет выделить две основные стратегии конституирования пространства образования. Для их обоснования, по мнению украинского исследователя А. Марченко, и вводятся в научный оборот эти понятия. Степень "мягкости" или "жесткости" образовательного пространства, в первую очередь, связан со степенью

проявления субъектного пространственного измерения или, другими словами, с масштабами реализации антропологических основ образовательной деятельности. Для антропологического мировоззрения неприемлемо масштабное социальное проектирование и жесткие социальные технологии, что подчиняют интересы личности логике проекта и превращают человека в “винтик” социальной машины. Ученик из его внутренним миром теряет свою самостоятельную роль в образовательном процессе. Человек перестает быть субъектом собственной жизнедеятельности, а его жизнь и внутренний мир становятся лишь одним из звеньев сложной и четко структурированной реальности. Образование развивается по модели жесткого образовательного пространства и в своем наиболее концентрированном виде превращается в систему, которая унижает, а может и подавляет человека [9, с. 478].

Свое яркое выражение жесткий социоцентризм получил в идеологии марксизма, которая унаследовала просветительский взгляд на человека как продукт внешних факторов (жизненные ситуации, воспитание) и определяла сущность человека как комплекс социальных отношений. Уход К. Маркса от антропологизма, заявленного в “Экономико-философских рукописях 1844 года” и “Манифесте коммунистической партии” (“свободное развитие каждого является условием свободного развития всех”) отчетливо прослеживается в его концепции формационного развития общества как исторического процесса, в рамках которого человек является лишь элементом производственных сил [9, с. 479]. По нашему мнению, “жесткое образовательное пространство” выражало саму сущность, так сказать сердцевину, пространства образования в СССР, а формой уже были образовательные учреждения, которые воплощали идею в жизнь в рамках советского государства.

В советской педагогике пространственные характеристики образования были обусловлены идеологическими, экономическими и социальными потребностями уравнивания человека. Главным фактором управления общественно-политической жизнью в СССР выступала идеология коммунистической партии. При этом, основной идеей марксистско-ленинской догматики являлась необходимость ее распространения среди широких слоев населения. Соответственно, советские учебные заведения стали основным местом внедрения коммунистических идей в сознание граждан. Главной задачей власти было создание единого пространства образования на всей территории СССР на основе единой коммунистической идеологии. Именно марксистско-ленинская идеология должна была обосновать построение единого пространства образования на всей территории СССР, в корне игнорируя региональные особенности систем образования. Грандиозность идей вызвали заметное возбуждение и энтузиазм. Люди не понимали ошибочность главной идеи и должно быть введено в заблуждение искусно выстроенной тогдашней пропагандой.

В тоталитаризме нет места личности. Советское общество пыталось сформировать нового человека – целостного и дисциплинированного, энергичного, а главное – послушного и прогнозируемого. Этот человек должен был добросовестно выполнять свои обязанности и жертвовать собой ради общей цели. Но его нужно было воспитать для нового общества. И этой цели должна была соответствовать новая советская система образовательных учреждений. Главная практическая задача советского образования состояла в том, чтобы привести ее содержание в соответствии с целями коммунистического воспитания; связать содержание образования с решением актуальных социальных, политических, экономических и культурных проблем, пересмотреть идейные методологические основы теории общего образования и создать на базе марксизма новую концепцию образования на основе единого образовательного пространства.

И действительно, в СССР была введена новая модель образовательного пространства, которая не должна была иметь никакой связи со “старой” образовательной моделью. Советская власть задекларировала тяжелую для реализации цель – в корне изменить все политико-экономические и культурные институты предыдущих властных структур, что и мотивировало введение нового, социалистического по направлению, но авторитарного по методам построения нового образовательного пространства.

Становление новой парадигмы образования происходило в условиях острой борьбы педагогических идеологий в первое десятилетие советской власти, а потом она настойчиво и последовательно вводилась в научно-педагогическое сознание “путем организации идейно-воспитательной работы с научными кадрами” под руководством ЦК правящей партии. В условиях массированного идеологического наступления в 20-х гг. XX в. “Старая”, либерально-гуманистически ориентированная научно-педагогическая интеллигенция потеряла возможность заявлять о себе на страницах периодических изданий. В ходе репрессий середины 30-х гг. XX в. были уничтожены или духовно надломлены многие представители первого поколения советских педагогов. В обществе сталинской эпохи наука адаптировалась к партийно-государственным установкам на достижение “морально-политического единства советского народа”, упразднила официальные идеологические и мировоззренческие постулаты. В иерархии этих постулатов вершину занимал блок идей, который определялся тезисом: “Марксизм является мировоззрением и методологией советского образования” и на основе марксизма формировались идеалы воспитания, пути и средства его достижения [11, с. 72]. В СССР постепенно устанавливалось “жесткое образовательное пространство”, где на первом месте была идеология; человек же становился “винтиком” государственной машины. Главной психологической характеристикой тогдашнего пространства образования стал страх.

Стержнем пространства образования в бывшем СССР была “официальная педагогика”, под идеи которой и закладывалась вся иерархия и деятельность

образовательных учреждений. “Официальную педагогику” можно определить как “совокупность теоретических и нормативных положений, отражающих педагогическую идеологию государства и мотивируют цели, задачи и инструментарий образования”; “Доминирующий пласт педагогической практики, построенной в соответствии с официальными педагогическими убеждениями” [4, с. 93]. Начиная с 20-х гг. XX в. постепенно структурно формируется единое образовательное пространство СССР, главными характерными чертами которого стали централизация и унификация. Это было основой единой стратегии развития системы образования в России, и этот процесс был неоднозначным и спорным.

Главное противоречие в формировании единого пространства образования в СССР было во взаимоотношениях центра с республиками, в том числе и с СССР. Многие исследователи говорят о формировании в 20-х гг. XX в. именно образовательного пространства Украины, а не о едином образовательном пространстве СССР. Например, Т. Гавриленко утверждает, что на протяжении 1920-х годов в СССР была создана собственная, оригинальная, социально ориентирована образовательная система, которая соединила в себе национальную специфику и одновременно характеризовалась жесткой политизацией и идеологической окрашенностью. Педагогический процесс охватила мимикрия: как преподаватели, так и студенты “подстраивались” под ситуацию и пытались “быть как все”, “не высываться”. И все же, далеко не каждый субъект образовательного пространства бывшего СССР одевал на себя “халат приспособленца”. Некоторые открыто, большинство – тайно выступали против системы, экспериментировали, творили, готовили почву для развития образовательного процесса. В это сложное и противоречивое время обсуждалась и создавалась новая парадигма начального образования, вводились обязательность и доступность, единство и преемственность, светский и национальный характер начального образования, расширялась сеть начальных школ, вводилась комплексная система обучения и т.д. [2]. Разумеется, органы управления образованием эти поиски не поощряли. Координация, без которой образовательный процесс в целом является явлением невозможным, проводилась в основном как конфронтация органов управления к инициативам, которые предлагались педагогами-новаторами, неравнодушными, творческими личностями. Подобная практика в официальной педагогической теории обычно замалчивалась. Лишь в 1995 г. появилась первая диссертационная работа по историографии развития народного образования и формирования национального пространства СССР в 1917-1932 гг. XX в., автор которой опровергает утверждение о наличии в деятельности украинского Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) особого стремления к координации своих усилий в области организации образования с руководством Российской Федерации и других республик [12, с. 13]. Позже появились исследования М. Выговского, М. Кузьменко, В. Липинского, удостоверяющих факт именно “конфронтации”, а не “координации” с РСФСР по

организации и функционировании системы образования [3, с. 104].

Надо подчеркнуть, что именно в 20-30 гг. XX в. закладывались основы национального пространства образования в бывшем СССР. В начале новое образовательное пространство Украины пытались строить по российскому образцу согласно принятым в то время единым принципам “О единстве образовательной политики”, но существовали определенные различия между национальными пространствами образования Украины и России: во-первых, в России школа была политехнической, а в Украине все учебно-воспитательные заведения, соединяясь с производством, уже с первого звена образовывали единую систему профессионального образования; во-вторых, в РСФСР единая трудовая школа была девятилетней, в УССР – семилетней; в-третьих, в советской России техникум был подготовительным звеном в институт, а в советской Украине институт и техникум считались равноправными вузами с той разницей, что техникум ставил своей задачей выпускать узких специалистов-инструкторов, а институт – высококвалифицированных специалистов-практиков; в-четвертых, в отличие от российской, украинская система образования изымала из своей схемы университеты, превратив их в 1920 г. в институты народного образования (ИНО), ведь по мнению руководителей образования, университеты практически не готовили специалистов определенного, четко очерченного профиля; в-пятых, подготовку ученых в Украине осуществляли академии и различные институты теоретического знания [3, с. 105]; в-шестых, реализовался тезис об обучении на родном языке, исходя из принципа пропорционального соотношения национального состава населения и количества национальных школ [7, с. 32].

Модель образования в советской Украине в то время была максимально приближена к потребностям экономики, что было вполне целесообразно в условиях хозяйственной разрухи. Поэтому принцип чисто общеобразовательной подготовки отклонялся, поскольку он не готовил человека к жизни, и менялся принципом сочетания специальной (профессиональной) и общеобразовательной подготовки. К тому же в 1920-х гг. Наркомпрос Украины реализовал идеи профессиональной преемственности обучения, которые осуществлялись путем построения системы учебных заведений степенями и вертикалями. Например, индустриально-техническая вертикаль включала “семилетки”, или школы ученичества, индустриально-технические профессиональные школы широкого профиля и соответствующие техникумы и институты [6, с. 39].

Противоречия формирования пространства образования в бывшем СССР касались не только содержания стратегии развития образования, а также и управления. Система образования УССР, которая отличалась от российской отраслевой схемой и структурой, имела и собственную управленческую вертикаль. Функционально и организационно она была советской, заботясь о идеологизации образовательно-духовной жизни общества, а принципы самоуправления обусловили и соответствующий статус

республіканської номенклатури. Самостійність Наркомпроса УРСР забезпечувалась принципіальною позицією бывших “борьбистов”, а с другой стороны, полномочиями союзной конституции, согласно которой наркомат образования принадлежал к ведомствам республиканского подчинения. Формально Наркомпрос УССР оставил за собой статус самостоятельного, но в течение второй половины 30-х гг. Он потерял регулятивно-руководящую функцию в области науки, технически-отраслевого образования, искусства. К середине 30-х гг. происходит физическое устранение высшего руководящего состава Наркомпроса [1, с. 15].

С точки зрения научной педагогики, украинская система образования стояла ниже российской. Эти различия сохранились до 1930 г. и свидетельствовали об определенной независимости и самобытности национального пространства образования УССР. Но обе эти системы были объединены единой целью – через систему образования прийти к социализму, и единственным основным принципом – государственная монополия по разработке и реализации единой стратегии развития образования.

Главная цель советской власти по коммунистической идеологии – создание единого национального пространства образования на территории СССР. В основу функционирования этого образовательного пространства был положен принцип жесткой централизации до централизованного планирования самого процесса обучения и унифицированного подхода к его содержанию без учета региональной специфики. Поэтому в начале 30-х годов в условиях формирования тоталитарного общества, утверждение коммунистической идеологии, монополизации большевистской власти украинская система образования теряет свою уникальность и унифицируется в общесоветскую. Уже с 1930 г. в СССР начинается дублирование российских образовательных документов, введение единой государственной системы образования [2].

В 1934 г. партийным постановлением “О структуре начальной и средней школы в СССР” были отменены все типы школ и установлена единая система образования, которая включала следующие звенья: а) начальная школа (1-4 классы); б) неполная средняя школа (1-7 классы); в) средняя школа (1-10 классы). Были введены единый день начала учебного года – 1 сентября, продолжительность урока, утверждена пятибалльная система оценивания знаний. Чрезвычайно важным этапом стало восстановление в 1932 г. университетского образования в Украине. Первым открылся в 1933 г. Киевский университет, а затем университеты начали функционировать в Харькове, Одессе, Днепропетровске. Также в этот период был снижен статус техникума до уровня среднего специального учебного заведения. К концу 1937 г. в УССР сложилась стабильная сеть высших учебных заведений. В начале 1939 г. сложилась действующая ответственная система университетского образования в Украине [3, с. 108].

Постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР (“О всеобщем обязательном начальном обучении”, 1930 г.” “О всеобщем обязательном обучении”, 1930 г.; “О начальной и средней школе”, 1931 г.; “О учебных

программах и режиме в начальной и средней школе”, 1932 г. и др.) и Наркомпроса РСФСР и УССР “Унификация программ и учебников по ряду дисциплин в школах РСФСР и УССР” (1933 г.) закрепили унификацию образовательного пространства СССР и обеспечили создание единых требований к построению учебно-воспитательного процесса на всей территории СССР. С тех пор прекращается законодательская деятельность Наркомпроса УССР и начинается процесс дублирования общесоюзных нормативно-правовых документов, которые и определили дальнейшее развитие системы образования в Украине [10, с. 13].

Единое национальное пространство образования СССР, множество территорий, входивших в состав Союза, одинаково были обеспечены необходимым минимумом для достижения единой цели образования (типичный принцип организации системы). Четкие вертикали и горизонталь администрирования, один тип школ, отраслевой принцип профессионального образования, государственное финансирование, политическое обслуживание (добавим к этому социальный статус учителя) создавали ситуации, когда главный объект образовательного пространства – ученик с его внутренним миром теряет свою господствующую роль в образовательном процессе, и его жизнь и внутренний мир становятся лишь одним из звеньев сложной и четко структурированной реальности.

Постепенно в СССР сложилось единое образовательное пространство и централизованный тип государственного управления учебно-воспитательными учреждениями с единым центром (министерство, управление, отдел) и где в соответствии с “Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании” четко определены функции общесоюзных и республиканских органов управления народным образованием. В Советском Союзе все учебные заведения находились в ведении государства, их открывала, финансировала и направляла соответствующую деятельность. Благодаря этому обеспечивалась реализация государственной политики в области народного образования, единство учебных планов и программ. Надо подчеркнуть, что однотипность и обязательность учебных программ, разработка единого учебного плана и учебных программ для всех ступеней образования на основе комплексного подхода стало нормой в национальном пространстве образования в бывшем СССР. Все это говорит о централизации и унификации учебного процесса того времени.

Государство также осуществляло школьное строительство, планировало размещение школ и других учебных заведений, решало вопросы снабжения их учебными материалами и пособиями. В СССР не было частных учебных заведений. Государственный характер всех учебно-воспитательных учреждений был закреплён и в Конституции. В статье 25 Конституции СССР (1977 г.) четко указывается, что в СССР существует и совершенствуется единая система народного образования, которая обеспечивает общеобразовательную и профессиональную подготовку граждан, служит коммунистическому воспитанию,

духовному и физическому развитию молодежи, готовит ее к труду и общественной деятельности [5, с. 13].

В структуру национального пространства образования бывшего СССР входили учреждения для осуществления: дошкольного воспитания ясли (для детей от 2 месяцев до 3 лет), детские сады (для детей от 3 до 7 лет), а также ясли-сады (для детей с двух месяцев до 7 лет); общего среднего образования – средняя общеобразовательная школа, школы-интернаты, средние общеобразовательные вечерние школы, суворовские и нахимовские училища и др.; профессионально-технического образования – профессионально-технические училища, средние профессионально-технические училища, технические училища; среднего специального образования – техникумы и различные училища (например, педагогические, строительные, медицинские и т. д.); высшего образования – университеты, академии, консерватории и отраслевые институты [8, с. 18-28].

Тотальная идеологизация является первой и основной общей характеристикой каждого из сегментов пространства образования в бывшем СССР. К этому следует добавить жесткую централизацию управления, денационализацию и милитаризацию тогдашнего пространства образования. Личность в нем имела условный характер. Свобода и творчество, активность и новаторство допускались только в идеологически обусловленных пределах. Выход за эти пределы жестко преследовался. Конечно, даже в таких условиях в национальном пространстве образования появлялись проявления инициативно-творческих подходов к организации и содержанию образовательного дела, которые не вкладывались в пределы дозволенного. Однако в целом это пространство характеризовала рутина. Преобладали приспособленность, серость, посредственность.

Список использованных источников

Виговський М. Ю. Становлення та функціонування номенклатури радянської системи освіти в Україні 20–30-х рр. XX ст.: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. іст. наук: спец. 07.00.01 “Історія України” / М. Ю. Виговський. – К.: 2006. – 36 с.

Гавриленко Т. Л. Уніфікація початкової освіти в Україні у 1930-х роках [Електронний ресурс] / Т. Л. Гавриленко // Вісник Черн. держ. педагогічного ун-ту імені Т. Г. Шевченка – 2012. – Вип. 101. – Серія: Педагогічні науки. – Режим доступу: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vchdpu/ped/2012_101/Навч.pdf.

Горбань А. В. Становлення та розвиток системи освіти в Україні у 1930-х роках / А. В. Горбань, В. О. Шевчук // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. – К.: ВІР УАН, 2012. – Випуск 58 (№3). – С. 104–110.

Илалтдинова Е. Ю. Наследие А. С. Макаренко в 1953-сер. 1970 гг. / Е. Ю. Илалтдинова // Педагогика. – 2011. – № 7. – С. 93–101.

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 окт. 1977 г. – М.: Политиздат, 1978. – 62 с.

Кузьменко М. М. Уніфікація системи освіти в УСРР у 20-30-і рр. XX ст. / М. М. Кузьменко // Наука. Релігія. Суспільство. – 2005. – № 2. – С. 38–42.

Липинський В. В. Становлення і розвиток нової системи освіти в УСРР у 20-ті роки: [монографія] / В. В. Липинський. – Донецьк : РВА ДонДТУ, 2000. – 247 с.

Логинова В. И. Система народного образования в СССР / В. И. Логинова. – Л.: Ломоносовская типография Управления по печати Ленгорисполкома, 1972. – 44 с.

Марченко О. В. Проектування освітнього простору в умовах

динамічних змін / О. В. Марченко // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. – К.: ВІР УАН, 2012. – Випуск 56 (№1). – С. 477–483.

Мушка О. В. Організаційно-педагогічні засади діяльності Наркомосу УСРР у галузі шкільної освіти (1919 – початок 30-х рр. XX ст.): автореф. дис. канд. пед. наук : спец. 13.00.01 “Загальна педагогіка та історія педагогіки” / О. В. Мушка. – Переяслав-Хмельницький : Б.в., 2011. – 20 с.

Степашко Л. А. Феномен советской педагогики / Л. А. Степашко // Педагогика. – 1998. – № 6. – С. 72–76.

Чирва Ю. І. Розвиток народної освіти України (1917–1932 рр.): історіографія проблеми: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук: спец. 07.00.01 “Історія України” / Ю. І. Чирва. – Дніпропетровськ, 1995. – 19 с.

References

1. Vyhovs'kyu M. Yu. Stanovlennya ta funktsionuvannya nomenklatury radyans'koyi systemy osvity v Ukraini 20–30-kh rr. KhKh st.: avtoref. dys. na zdobuttya nauk. stupenya dokt. ist. nauk: spets. 07.00.01 “Istoriya Ukrainy” / M. Yu. Vyhovs'kyu. – K.: 2006. – 36 s.

2. Havrylenko T. L. Unifikatsiya pochatkovoyi osvity v Ukraini u 1930-kh rokakh [Elektronnyy resurs] / T. L. Havrylenko // Visnyk Chern. derzh. pedahohichnoho un-tu imeni T. H. Shevchenka – 2012. – Vyp. 101. – Seriya: Pedahohichni nauky. – Rezhym dostupu: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vchdpu/ped/2012_101/Навч.pdf.

3. Horban' A. V. Stanovlennya ta rozvytok systemy osvity v Ukraini u 1930-30-kh rokakh / A. V. Horban', V. O. Shevchuk // Gileya: naukovyy visnyk. Zbirnyk naukovykh prats'. – K.: VIR UAN, 2012. – Vypusk 58 (№3). – S. 104–110.

4. Ylaldynova E. Yu. Nasledye A. S. Makarenko v 1953-ser. 1970 hh. / E. Yu. Ylaldynova // Pedahohyka. – 2011. – № 7. – S. 93–101.

5. Konstytutsyya (Osnovnyy Zakon) Soyuza Sovet'skykh Sotsyalytycheskykh Respublyk. Prynayta na vneocherednoy sed'moy sessyy Verkhovnoho Soveta SSSR devyatoho sozryva 7 okt. 1977 h. – M.: Polytyzdat, 1978. – 62 s.

6. Kuz'menko M. M. Unifikatsiya systemy osvity v USRR u 20-30-i rr. KhKh st. / M. M. Kuz'menko // Nauka. Relihiya. Suspil'stvo. – 2005. – № 2. – S. 38–42.

7. Lypyns'kyu V. V. Stanovlennya i rozvytok novoyi systemy osvity v USRR u 20-ti roky: [monohrafiya] / V. V. Lypyns'kyu. – Donets'k : RVA DonDTU, 2000. – 247 s.

8. Lohynova V. Y. Systema narodnoho obrazovannya v SSSR / V. Y. Lohynova. – L.: Lomonosovskaya typhografyya Upravlenyya po pechaty Lenhoryspolkoma, 1972. – 44 s.

9. Proektuvannya osvith'oho prostoru v umovakh dynamichnykh zmin / O. V. Marchenko // Gileya: naukovyy visnyk. Zbirnyk naukovykh prats'. – K.: VIR UAN, 2012. – Vypusk 56 (№1). – S. 477–483.

10. Mushka O. V. Orhanizatsiyno-pedahohichni zasady diyal'nosti Narkomosu USRR u haluzi shkil'noyi osvity (1919 – pochatok 30-kh rr. XX st.): avtoref. dys. kand. ped. nauk : spets. 13.00.01 “Zahal'na pedahohika ta istoriya pedahohiky” / O. V. Mushka. – Pereyaslav-Khmel'nits'kyu : B.v., 2011. – 20 s.

11. Stepashko L. A. Fenomen sovet'skoy pedahohyky / L. A. Stepashko // Pedahohyka. – 1998. – № 6. – S. 72–76.

12. Chyrva Yu. I. Rozvytok narodnoyi osvity Ukrainy (1917–1932 rr.): istoriografyya problemy: avtoref. dys. na zdobuttya nauk. stupenya kand. ist. nauk: spets. 07.00.01 “Istoriya Ukrainy” / Yu. I. Chyrva. – Dnipropetrovsk, 1995. – 19 s.

Якимчук О., аспірант, Національний педагогічний університет імені М. П. Драгоманова (Україна, Київ), gileya.org.ua@gmail.com

Особливості психології “простору освіти” тоталітарного суспільства

У статті розглядаються особливості становлення та розвитку психології простору освіти тоталітарного суспільства. Автор детально аналізує процес становлення освіти колишнього СРСР, його перепад в Українському суспільстві, відзначає такі напрямки, як жорстка ідеологізація та партизація, централізація освіти, денационалізація і підпорядкованість військово-промислового комплексу, що привело до становлення таких психологічних екзистенцій, як пристосовництво, втеча від реальності, мімікрія тощо. Підкреслюється, що творчість та активність у педагогічній галузі розорталілись як опозиція існуючій ідеологічній системі; їх прояви придушувались, карались. Наголошується, що головними психологічними особливостями простору освіти тоталітарного суспільства були байдужість і страх.

Ключові слова: людина, освіта, простір освіти, культура, психологія, виховання.

Yakymchuk O., graduate student, National pedagogical university of the name of M. P. Drahomanov (Ukraine, Kyiv), gileya.org.ua@gmail.com

Features psychology “education space” totalitarian society

The article deals with the peculiarities of formation and development of space education psychology totalitarian society. The author analyzes in detail the process of establishing educational former Soviet Union, its drop in Ukrainian society, said areas such as rigid ideological and partization, centralization of education, denationalization and subordination of the military-industrial complex, leading to the formation of psychological ekzystensiy as prystosovnystvo, escape from reality, mimicry and more. It is emphasized that creativity and activity in the field of teaching unfolded as opposition to the existing ideological system; their expression suppressed, punished. It is noted that the main psychological characteristics of space education totalitarian society was indifference and fear.

Keywords: people, education, space education, culture, psychology, education.

* * *

УДК 37.014:378.1.811

Яковлева О. В.

кандидат філософських наук, доцент,
доцент кафедри гуманітарних дисциплін, Київський
інститут бізнесу та технологій
(Україна, Київ), elva_rom@inbox.ru

ПЕРЕХІД ДО БАГАТОМОВНОСТІ ЯК ТЕНДЕНЦІЯ РОЗВИТКУ ВИЩОЇ ОСВІТИ УКРАЇНИ

У статті розглянуто вітчизняну систему вищої освіти під кутом зору її спроможності до реалізації оптимального переходу до багатомовності. Констатується, що ВНЗ – це соціальний інститут, здатний засвоювати корисні новачі й модернізуватися в оптимальнішому порівняно з іншими інститутами режимі. Статус української мови у системі освіти законодавчо закріплений. Обсяг її фактичного використання і престиж перебувають у вищих на більш високому рівні, ніж в інших сферах. ВНЗ готові до того, щоб, узгодивши інтереси держави, освітньої системи, особистості, включитися у національний процес реформатування соціально-комунікативної системи з метою її реальної адаптації до державного статусу української, взявши на себе роль одного з лідерів.

Ключові слова: система вищої освіти, мовна ситуація, мовні практики, одномовність, багатомовність, диглосія, модернізація.

Для системи вищої освіти України в тому вигляді, в якому вона існує нині, українсько-російська двомовність, разом з побутовою багатомовністю у різноманітних варіантах виявлення останньої (українсько-російсько-болгарська, українсько-румунсько-російська, українсько-угорсько-словацько-російська тощо), є тими рисами, що їх з повним правом можна кваліфікувати як невід’ємні й навіть, до певної міри, основоположні ознаки ситуації. Не так уже й багато знайдеться нині у національному освітньому просторі осередків, для яких була б більшою мірою притаманна не лише декларативна, а реальна, українська одномовність (включаючи й такий її різновид, як диглосія), ніж та чи інша форма дво- та/або багатомовності.

Характерною рисою українсько-російської та російсько-української двомовності (або диглосії), яка знаходить своє виявлення у форматі власне лінгвістичного підходу до мовної проблематики, мовної ситуації, мовної політики, слід вважати її наявність практично у всіх без винятку формах існування мови, починаючи з літературної (стандартної) і народно-розмовної й закінчуючи діалектами, наріччями, соціолектами та ін. У форматі підходів соціологічного та політичного факт присутності двомовності у різних мовних формах, коли й не втрачає значення, то зводить його до мінімуму.

Дихотомія лінгвістичний-екстралінгвістичний підхід має для нас з огляду на тему статті важливе значення.

Останнім часом екстралінгвістичні підходи до лінгвістичної проблематики, як вважає дехто з фахівців, зумовлюють зрушення в її осмисленні не лише в різних гуманітарних дисциплінах та у міждисциплінарних дослідженнях, а й у самій лінгвістиці. Так, скажімо, на думку Р.Фрумкіної, “термін двомовність завжди був нечітким, а сьогодні його значення не тільки розмилося, а й розглядається в ореолі соціальних проблем” [6, с. 165], що призводить до ще більшої плутанини.

Такий стан справ склався у процесі історичного розвитку. В більшості випадків він відповідає наявній мовній ситуації, забезпечуючи випускникам вітчизняних ВНЗ повне узгодження паралельного вживання української та російської мов з практичною діяльністю кожного з них, заснованою на способі поведінки, – й з точки зору “чистої” прагматики як семантики мови у дії міг би бути охарактеризований як такий, що в цілому забезпечує розв’язання відповідних цілей і зумовлених ними завдань.

Якщо скористатися відомим припущенням Л.Вітгенштейна про існування не однієї “мови взагалі” як гомогенного утворення, а мовної сфери як гетерогенної сукупності багатьох “мов”, які обслуговують різноманітні галузі людської діяльності, перебираючи на себе у кожному конкретному випадку роль головного інструменту функціонування систем комунікації та мовної поведінки різного типу, – можна буде констатувати, що в українському мовному середовищі “мова освіти” відповідає як українському національному варіантові “мови взагалі”, так і всім (або майже всім) окремим “мовам”, починаючи з “мови науки”, “мови політики”, “мови етики”, мови культури” і закінчуючи “мовою метро” та “мовою ринку” [1, с. 61].

Разом з тим, стан, про який ідеться, відкриває широкий простір для полеміки щодо відповідності нинішнього українського мовного середовища новим історичним реаліям, зокрема, таким, як відновлення України як національної держави та набуття українською мовою статусу державної.

Державний статус мови належить не безпосередньо до власне лінгвістичної проблематики, а до її соціально-політичного та соціально-психологічного контекстів. Філософія мови як такої та філософія державної мови – тобто, мови як соціально-політичного феномену й атрибуту державної політики – це не одне й те саме. Це – дві взаємопов’язані, проте все-таки різні філософії. Відтак, “лінгвістичне” мовне середовище і середовище “політичне” мали б розглядатися під різним кутом зору.

Те саме стосується явища багатомовності: “політична” багатомовність – явище іншого порядку, ніж багатомовність “лінгвістична”. У дискурсі лінгвістичної прагматики мову можна розглядати не як повністю самостійне явище, а як один з аспектів певної людської діяльності. Відтак, вирішальне значення в оцінці якості, ціннісного потенціалу, функціональності певної національної мови як “прагматичного” феномену набувають не лінгвістичні, а зовсім інші параметри та критерії. Зокрема, й такий, як здатність цієї мови забезпечувати систему соціальної діяльності її носіїв в усій повноті, включаючи комунікацію в іно- та інтернаціональному середовищі.